

УДК 323.1:316.7(470+571)

Р.Э. Бараш

НОРМАТИВНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В РОССИИ¹

БАРАШ Раиса Эдуардовна — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. E-mail: raisabarash@gmail.com.

В статье рассматривается проблема противоречия индивидуально-либеральной и коммунитаристской (коллективной) интерпретации мультикультурализма, которое сегодня достаточно ярко выражено в российском контексте. С одной стороны, российское законодательство кодифицирует особые права этнических групп, с другой — в российском общественном мнении существует сильнейшее неприятие этнизации социальных групп.

Ключевые слова: мультикультурализм, национальные отношения, культура, самоопределение, идентичности.

Тема мультикультурализма продолжает беспокоить не только европейское политическое пространство, но и активно вторгается в российский контекст. Так, выступая в феврале 2011 г. на посвященном межнациональной проблематике заседании президиума Госсовета, Д. Медведев заявил, что не разделяет мнение лидеров ряда стран старой Европы о крахе политики так называемого мультикультурализма, поскольку для России такая практика стала бы «существенным упрощением». Тему мультикультурализма, но уже в проблемном ключе, Медведев вновь затронул, выступая в сентябре 2011 г. на Мировом политическом форуме в Ярославле. Обозначив в качестве основных проблем современной России бедность и национальный вопрос (мультикультурализм), он аргументировал рост ксенофобии, нетерпимости и, как следствие, невозможность выстроить мультикультуральное общество в России именно масштабами бедности в стране.

В. Путин также неоднократно обращался к теме мультикультурализма, но традиционно с критикой. Так, в своей предвыборной статье «Россия: национальный вопрос» в январе 2012 г. В. Путин назвал причиной провала европейской политики мультикультурализма кризис самой модели «национального государства», строившейся исключительно на основе этнической идентичности. Противопоставляя этнической идентичности фактически идею гражданской нации, он фактически отверг любую институционализацию этничности в гражданской сфере.

Говоря о провале в России политики мультикультурализма, необходимо обратиться к анализу возможности построения и предпосылок реализации подобной политики.

© Бараш Р. Э., 2012

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, Грант 12-33-01406 «Политика мультикультурализма: опыт стран Европы и Америки, перспективы России».

В качестве теоретической рамки мы используем обозначенную Ч. Кукатасом интерпретацию мультикультурализма как культурного многообразия [7] и одновременно принимаем тезис У. Кимлики о том, что мультикультурализм — это следствие, реакция на культурное и религиозное разнообразие [17]. Заслуживает внимания также трактовка мультикультурализма Х.Д. Хоффманом-Новотным как «стремления к равноправию различных культур, а также модели их равноправного существования в противовес модели гегемонии одной культуры» [15, р. 39]. Наконец, анализ предпосылок построения мультикультурального общества базируется на предложенной В. Малаховым трактовке мультикультурализма как дискурса построения «общества, в котором нет «господствующей культуры», в котором понятие «культура» не прикреплено к понятию «этнос». Малахов понимает под мультикультуральным обществом, «в котором индивидам предоставлена свобода выбора, какие культурные образцы являются их «собственными» [8, с. 59]. Однако уже сами теоретические рамки интерпретации мультикультурализма проблематизируют его реализацию: если Кимлика признает за мультикультурализмом право этнических и религиозных групп на самобытность, то Малахов фиксирует контекст индивидуального самоопределения.

Собственно, определение того, кто выступает ключевым адресатом и целью политики мультикультурализма, является одним из проблемных векторов интерпретации понятия и реализации политики. С одной стороны, мультикультурализм представляет собой производное от либеральной идеологии индивидуальной свободы [11]. Значимость мультикультурализма для личности обусловлена прежде всего возможностью получить доступ к своей культуре [18, р. 34] через реализацию права индивидуально формировать собственный уклад и нормы жизни.

Однако префикс «мульти» предполагает, что язык мультикультурализма скорее ориентирован на группы, чем на индивидов. И в контексте, как минимум, номинальной ориентации мультикультурализма на особые права группы мультикультурализм противостоит либерализму. В оппозиции к либерализму мультикультурализм находится ровно в той степени, в какой он интерпретирует общество состоящим из групп, каждая из которых конституируется собственной культурой, и рассматривает личности как продукты социальных практик [16]. Причем культура понимается предельно общо и широко, часто сводится к вере и символам, и в этом смысле рассуждения коммунитаристов строятся вокруг тезиса о том, что автономного и независимо мыслящего индивида не бывает в принципе. А культура таким образом превращается в самооценку или «обязанность» для индивида. В итоге «в подавляющем случае проекты, построенные на идее защиты групповых прав и интересов, имеют следствием непризнание или ущемление прав индивидов, кроме того, идеи «прав групп» и зависимости статуса индивида от его/ее происхождения ведут к этнизации общественного сознания и социальной сегрегации» [10].

Противоречие индивидуально-либеральной и коммунитаристской (коллективной) интерпретации мультикультурализма сегодня достаточно ярко выражено в российском контексте. С одной стороны, российское законодательство кодифицирует особые права этнических групп, с другой — в российском общественном мнении существует сильнейшее неприятие тенденций этнизации социальных групп.

Так, российское законодательство исходит из коллективистской интерпретации мультикультурализма, делая главным субъектом культурного самоопределения группу. Единственной, пожалуй, нормой, признающей право на свободное самовыражение и самоопределение, является Конституция РФ (ст. 19), гарантирующая равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от происхождения, языка, отношения к религии и других и запрещающая любые формы ограничения прав граждан по признаку национальной или иной принадлежности.

В свою очередь, обратная, групповая логика культурного самовыражения реплицируется в прочих нормативно-правовых актах, касающихся вопросов самоопределения. Так, ст. 68 Конституции РФ гарантирует всем народам, проживающим на ее территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, одновременно наделяя республики правом устанавливать свои государственные языки. ФЗ «О языках народов РФ» устанавливает принцип государственных гарантий равноправия языков всем народам РФ. В той же, коллективной, логике право на язык трактуется ФЗ «Об образовании», где гарантировано «право граждан на получение образования на родном языке из числа языков народов России» (ст. 8).

Одновременно ФЗ «О языках народов Российской Федерации» и «Об образовании» закрепляют за субъектами РФ (причем ряд из них, как минимум номинально, национальные республики) право принимать законы и иные нормативные правовые акты о защите прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

ФЗ «О национально-культурной автономии» (1996 г.) закрепляет право граждан на коллективное самовыражение своей идентичности через создание национально-культурной автономии (НКА). НКА, согласно ФЗ, — это «форма национально-культурного самоопределения, представляющая объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». С 2003 г. в ФЗ закреплён принцип о том, что НКА могут создаваться лишь от имени *«этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства»*. ФЗ о НКА закрепляет право на самоопределение, сводя культуру к этническим рамкам — рамкам языка и фольклора, кроме того, территориализуя ее, т.е. предполагая, что у каждой этнической культуры должен существовать свой ареал расселения или, косвенно, подразумевая этнический характер субъектов Российской Федерации (в ФЗ говорится о «гражданах, живущих за пределами своих национально-государственных и национально-территориальных образований»). Одновременно ФЗ ограничивает право на НКА границами и «интересами других этнических общностей», дополнительно постулируя групповой подход к культурному самоопределению.

Кроме того, особые права на самоопределение именно за этническими группами закрепляет целый ряд российских нормативно-правовых актов. Так, в ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» (1999 г.) закрепляются особые права за народами, проживающими на территориях традиционного расселения своих предков и сохраняющими традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы. Кроме того, в качестве одного из необходимых оснований государственных гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов ФЗ постулируется осознание ими себя самостоятельными этническими общностями.

К тому же групповая логика трактовки субъектности самоопределения закреплена российским законодательством, к примеру в Земельном кодексе. Так, оборот земли, занятой особо ценными объектами культурного наследия народов РФ, ограничен. Одновременно предусмотрен особый порядок сделок с землей в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов и этнических общностей.

Вектор коллективной этнизации права на самоопределение проводится «Законом РФ о недрах». Согласно ст. 2 этого ФЗ, «владение, пользование и распоряжение государственным фондом недр в пределах территории Российской Федерации в интересах народов, проживающих на соответствующих территориях, и всех народов Российской Федерации осуществляются совместно Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации».

Таким образом, *народ (т.е. некоторая этническая общность) определяется российским законодательством как потенциальный обладатель особых прав на землю, природные ресурсы, а также как связанный особым образом с территорией традиционного расселения своих предков.*

Помимо народов и особой группы — коренных народов — к субъектам права российским законодательством относятся национальные меньшинства, малочисленные народы, а также соотечественники. Так, ст. 71 и 72 Конституции РФ гарантируют «защиту прав национальных меньшинств». На защиту интересов *этнических общностей, находящихся в ситуации национального меньшинства, направлен обновленный ФЗ об НКА*. При этом содержание понятия «национальное меньшинство» сегодня не отражено в нормативно-правовых актах РФ.

Еще одна категория российского правового поля — соотечественники за рубежом. Среди всех нормативно-правовых актов, регулирующих положение и права соотечественников, наиболее полно суть категории отражена в ч. 1 ст. 1 ФЗ № 99 «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» (от 1999 г.), где соотечественники за рубежом определяются как граждане РФ, постоянно проживающие за пределами страны; лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы или эмигранты из Российской империи, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства; потомки лиц, принадлежавших к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств.

И хотя категория «соотечественник» принципиально лишена этнического содержания, тем не менее косвенно к соотечественникам относятся носители русского языка и условной русской культуры. Так, согласно программе *«О добровольном переселении в Россию соотечественников, проживающих за рубежом»*, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637, к участию к программе переселения в 12 пилотных регионов приглашаются *«воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком соотечественники*, в наибольшей мере способные к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей российского сообщества».

Таким образом, российское законодательство достаточно однозначно предполагает право если не на самоопределение, то на консолидированное выражение этническими группами своих позиций и демонстрации идентичности. Очевидно, что, помимо категории «соотечественники», весь групповой дискурс в правовом поле выдержан в этническом смысле.

Подобный групповой дискурс отчасти применяется в законодательстве, регулирующем вопросы культурного самоопределения. Так, ФЗ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (с изменениями и дополнениями) специально оговаривает и гарантирует право на сохранение и развитие культурно-национальной самобытности народов и иных этнических общностей (ст. 20). Одновременно постулируется, что «политика в области сохранения, создания и распространения культурных ценностей коренных национальностей, давших наименования национально-государственным образованиям, не должна наносить ущерб культурам других народов и иных этнических общностей, проживающих на данных территориях». Ст. 21 ФЗ гарантирует право на культурно-национальную автономию «...всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности, на культурно-национальную автономию». Ст. 22, в свою очередь, «гарантирует свой протекционизм (покровительство) в

отношении сохранения и восстановления культурно-национальной самобытности малочисленных этнических общностей Российской Федерации посредством исключительных мер защиты и стимулирования... экологического, национального и культурного развития». Дополнительно этнизирует культурное самоопределение ст. 25, предусматривая особый режим охраны особо ценных объектов культурного наследия народов РФ.

ФЗ «О национально-культурной автономии» (1996 г.), как уже отмечалось, предусматривает создание НКА от лица некоторой этнической общности, кроме того, находящейся в ситуации национального меньшинства, в целях «развития языка, образования, национальной культуры».

Фактическую реализацию политики мультикультурализма через развитие межэтнического и межнационального взаимодействия предполагает «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г.». Разработчики программы предлагают преодолевать этнонациональную напряженность путем достижения идеала равноправия национальных культур и различных конфессий.

Опять же на мультикультурализм — через «диалог культур в многонациональном государстве» — ориентирована ФЦП «Культура России». Отдельно в программе уделяется внимание «Культурной политике по поддержке национально-культурных меньшинств», причем эффективность реализации оценивается с учетом показателей числа этнических сообществ.

Таким образом, с одной стороны, в России, которая хотя и унаследовала от Советского Союза традицию институционализации национальности (что выражается главным образом в существовании национальных субъектов Федерации, а также системе НКА), конкретные национальности в нормативно-правовых актах, официальном дискурсе не фиксируются. Однако *нормативно-правовые акты клишируют и тематизируют сам принцип ассоциирования индивидов с этническими группами, их этническими корнями*. Но, как правильно отмечает В.А. Тишков, «этническая идентичность или принадлежность к этносу — это произвольно (но необязательно свободно!) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом/народом/национальностью» [13, с. 35]. Поэтому требование от граждан самоопределиваться в этнических категориях сегодня (когда идентичности весьма пластичны [1]) — утопия. Не меньшая утопия — ожидать от этнически самоопределившихся граждан каких-то традиционных для их предков обыденных практик и промыслов.

Очевидно, что в своей национальной политике Россия стала заложником своего советского наследия. Национальная политика в СССР была более культуроцентрична, прямо ориентирована на формирование этнических культур и изобретение традиций, как пишет В. Шнирельман, стремилась ускорить формирование этнических культур [14, т. 1, с. 288]. В. Воронков называет СССР «страной победившего мультикультурализма» [3, с. 39]. Возможно, со временем Россия благополучно изживет советскую практику индексирования этнической культуры.

С другой стороны, современная Россия — этнически многосоставное общество, где интенсивна не только внутренняя, но и внешняя миграция. Люди, которых по формальным признакам можно назвать представителями диаспор, по факту своего рождения — россияне, многие из них живут в России на протяжении нескольких десятков лет и не стремятся вернуться к корням.

Кодирование этнических проблем в категориях культуры, их группоцентрическое понимание приводят к тому, что участниками межкультурного взаимодействия выступают представители групп, как правило, лидеры формальных, чаще всего культурно-просветительских организаций (традиционно стратегии решения межнациональных проблем

выстраиваются из расчета взаимодействия органов власти и официальных представителей этнических групп, меньшинств, диаспор и пр.).

С одной стороны, такие лидеры фактически никого не представляют — даже будучи интегрирован в деятельность каких-то диаспоральных организаций, в современных условиях мало кто ориентируется на мнение условного лидера. С другой стороны (и это очень важно!), тенденции группизма вызывают стойкое неприятие в массовом российском сознании. Так, реагируя на обозначенные В. Путиным проблемы национальных отношений в статье «Россия: национальный вопрос», граждане практически единодушно (79%) высказались в пользу инициативы предотвращения появления замкнутых национальных анклавов, живущих обособленно. Предотвращение складывания замкнутых групп кажется россиянам гораздо более важным, нежели культурная социализация мигрантов — 67% россиян одобрили идеи введения обязательных для мигрантов экзаменов по русскому языку, литературе, истории России, основам государства и права².

Таблица 1 Вы лично согласны или не согласны со следующими предложениями? (закрытый вопрос, один ответ по каждой позиции), %

Ужесточить миграционное законодательство, ввести уголовную ответственность за нарушение миграционных правил и норм регистрации	Скорее согласен	77
	Скорее не согласен	12
	Затрудняюсь ответить	12
Ужесточить правила регистрации и санкции за их нарушение	Скорее согласен	75
	Скорее не согласен	13
	Затрудняюсь ответить	12
Предотвратить появление замкнутых, обособленных национальных анклавов, живущих не по законам, а по «понятиям»	Скорее согласен	79
	Скорее не согласен	8
	Затрудняюсь ответить	13
Сделать экзамены по русскому языку, литературе, истории России, основам государства и права обязательными для мигрантов	Скорее согласен	67
	Скорее не согласен	17
	Затрудняюсь ответить	16

Кроме того, россияне выступают за индивидуальный, а не коллективный подход к контролю над мигрантами. В ноябре 2011 г., уже после «Манежки», антииммигрантской и антикавказской истерии, опрошенные выразили согласие по поводу ужесточения мер контроля миграции для любых прибывающих. При этом только 13% россиян одобрили ужесточение мер в отношении выходцев из конкретных регионов (как можно догадаться, здесь подразумевались выходцы из кавказских республик). За ужесточение мер учета иностранных мигрантов высказались 23% опрошенных (отвергнув таким образом ограничение на миграцию из постсоветских республик, активно поставляющих трудовых мигрантов)³ (см. табл. 2).

Таблица 2 Звучат предложения о необходимости ужесточения правил регистрации приезжих в крупных городах и ответственность за их несоблюдение. Как Вы считаете, действительно ли

² Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 8–9 января 2011 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

³ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 8–9 января 2011 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

сегодня необходимо ужесточить правила регистрации граждан на время их пребывания в крупных городах или нет? *(закрытый вопрос, один ответ)*

Да, необходимо это сделать для всех прибывающих из других регионов	40
Необходимо сделать это только для иностранцев	23
Ужесточать правила регистрации не нужно	15
Необходимо сделать это только для прибывающих из некоторых регионов страны	13
Затрудняюсь ответить	10

Обращает на себя внимание и то, что россияне не только не спешат мерить мигрантов этническими категориями, но и не особенно желают связывать себя с этнической группой или культурой. По данным исследования «О чем мечтают россияне» [12], в 2012 г. лишь 9% опрошенных признались в чувстве общности со своей национальностью, еще 3% — с представителями русской культуры (см. рис. 1).

Рисунок 1 - Ответы на вопрос «С кем Вы часто ощущаете чувство общности?», %
(допускалось несколько ответов, ранжировано по доле выбравших соответствующую позицию)

Тенденции индивидуализации характерны не только для принимающих сообществ, но и для прибывших. К примеру, мигранты, осевшие в Москве навсегда, значительно отличаются по своим установкам от приехавших на время. Если среди первых гораздо больше тех, кто готов примириться с московскими обычаями (45%), положительно воспринимает межэтнические браки, то среди временно прибывших в 2006 г. лишь каждый четвертый был

готов соблюдать московские нормы поведения. Трое из каждых четырех переехавших в Москву на ПМЖ стремятся селиться дисперсно, тогда как временные мигранты предпочитают жить рядом со «своими» [4].

Кстати, в 2001 г., по данным социологического исследования, наиболее сильной из всех идентичностей (для жителей Москвы) была именно их принадлежность к сообществу москвичей. Такая идентичность была более значима, чем этническая (для русских, украинцев, евреев, татар по самоопределению) или практически сопоставима по значимости (для выходцев из Грузии). Лишь у выходцев из Армении и Азербайджана локальная, московская, идентичность оказалась втрое-вчетверо слабее [2].

Соответственно, каких бы то ни было, причин говорить о том, что приезжие начинают консолидироваться в группы с этническим ядром или этнической мифологией, нет. В. Шнирельман полагает, что роль этничности отнюдь не всегда является значимым фактором интеграции мигрантов в принимающее сообщество, напротив, успешная интеграция приезжих тормозится направленной против них дискриминацией [14, т. 2, с. 84]. Как следствие, нередко мигранты, лишаясь возможности легально трудоустроиться или решить возникшие проблемы с работодателем, оказываются в положении преследуемых нелегалов. Не имея возможности обратиться за помощью в компетентные органы, мигранты неизбежно в поисках помощи идут к «своим», что приводит к анклавизации и геттоизации эмигрантских сообществ [5].

Симпатии россиян индивидуалистичному либеральному подходу к социальной коммуникации демонстрируют данные, приводимые Н. Копосовым [6, с. 169]. В 2007 г., отвечая на вопрос, чьи интересы и права должно прежде всего защищать российское законодательство — государства или отдельной личности, большинство респондентов выбрали второй вариант ответа. Причем не только в Петербурге, где государственников оказалось в 2,5 раза меньше, чем индивидуалистов (26 и 63% соответственно), но и в Казани (30 и 49%) и в Ульяновске (42 и 52%).

Тенденции индивидуализации, индивидуального самоопределения в российском обществе только множатся, особенно среди молодежи.

В 2010 г. исследование Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» зафиксировало, что при примерно равной доле сторонников коллективного и индивидуального образа жизни (51% опрошенных заявили, что лучше жить как все, тогда как 49% симпатизируют позиции ярких индивидуальностей), российская молодежь демонстрирует весьма заметный нонконформизм. В 2010 г. доля молодых людей, заявляющих о необходимости индивидуального самовыражения, в группе до 30 лет составила 65% (60% в 2003 г.) (см. рис. 2).

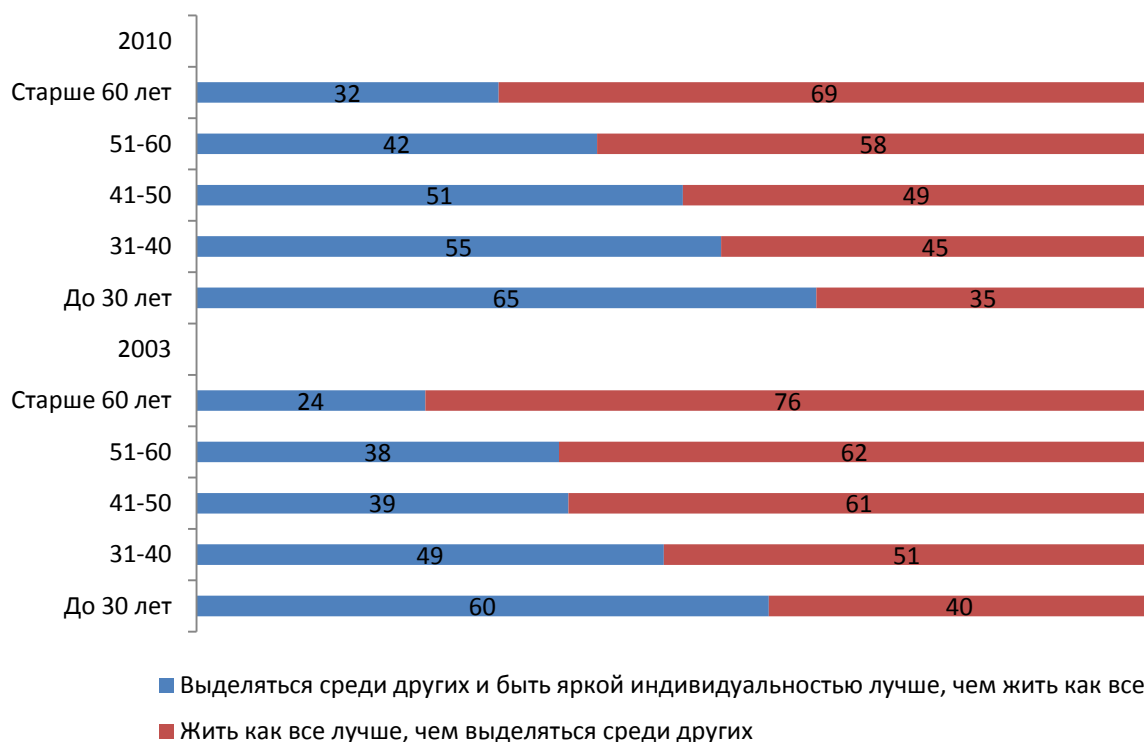

Рисунок 2 - Доля конформистов/неконформистов в составе различных возрастных когорт, %

Таким образом, можно говорить о том, что российские предпосылки формирования многосоставного общества весьма сходны с западноевропейским опытом. Как и в Западной Европе, где мультикультурализм имеет дело с аскриптивными группами (вроде диаспор, этносов и конфессий), российское законодательство также предписывает особые права культурного самоопределения группе. Вместе с тем российские предпосылки мультикультурализма заметно отличаются от опыта таких пионеров мультикультуральной политики, как Канада и Австралия. В отличие от опыта последних, где попытки интегрирования распространяются на группы иммигрантов, но отнюдь не на другие этнокультурные группы, например, австралийских аборигенов, субкультурные или сексуальные меньшинства, российское законодательство особым образом оговаривает права коренных и малочисленных народов России.

При этом российская ситуация пока очень далека от американской, где мультикультурализм предельно широко трактует культуру, распространяясь на все возможные формы идентичности. Реципиентами американского мультикультурализма становятся не только представители этнических или конфессиональных групп, но и женщины, гомосексуалисты, инвалиды и т.д. [18].

В России, и уже довольно давно, существует система мер по формированию межкультурного диалога. Такой межкультурный диалог, впрочем, реализуется вкупе с процессом этнизации культуры, сведением культуры к артефактам и атрибутам конкретных этнических групп. Но, как справедливо отмечает А. Осипов, культурализация этничности — это в первую очередь средство деполитизации проблем, а понятие «культурное» нередко используется как синоним неполитического [9]. Соответственно, обсуждение проблем взаимодействия различных культур, понимаемых исключительно в фольклорно-этнографическом проявлении, не снимает проблем политического характера, например, самоопределения территорий или распространения нелегитимных практик в молодежной среде.

Наконец одной из центральных проблем, связанных с перспективой реализации политики мультикультурализма в России, является противоречие между индивидуально-либеральной и коммунитаристской (коллективной) его интерпретацией. Сегодня российское законодательство кодифицирует особые права этнических групп, однако в российском общественном мнении существует сильнейшее неприятие этнизации социальных групп. Можно ожидать, что с ростом информационной открытости и либерализации общественных настроений симпатии индивидуальному самоопределению и ответственности в российском обществе будут только возрастать, что сделает невозможной реализацию в российском обществе политику мультикультурализма как стратегии сосуществования самоопределившихся этнических групп.

Литература

- 1 Антоновский А. Ю. Язык : средство общения и разобщения? // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 10. № 4. С. 59–68.
- 2 Вендина О. Москва этническая : грозит ли городу геттоизация? // Население и общество. 2004. № 188–178.
- 3 Воронков В. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2012.
- 4 Дробижева Л. М. Штрихи к этносоциальному портрету москвичей // Вестник Института Кеннана в России. 2006. № 10. С. 27–28.
- 5 Каландаров Т. С. Памирские мигранты-исмаилиты в России. Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 2005 (Исследования по прикладной и неотложной этнологии / Ин-т этнологии и антропологии Рос. акад. наук ; № 178).
- 6 Копосов Н. Память строгого режима : история и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011.
- 7 Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма // InLiberty : [веб-сайт]. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/327>.
- 8 Малахов В. С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002.
- 9 Осипов А. Этничность и равенство в России : особенности восприятия / Информ.-аналит. центр "Сова". М. : Россельхозакад, 2012.
- 10 Осипов А. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002.
- 11 Радтке Ф.-А. Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002. С. 103–115.
- 12 Состояние российского общества и исторические судьбы русской мечты // О чем мечтают россияне : аналит. доклад Ин-та социологии Рос. акад. наук // Институт социологии Российской академии наук : [веб-сайт]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane_12.pdf.
- 13 Тишков В. А. Идентичность и культурные границы.// Идентичность и конфликт в постсоветских государствах : сб.статей / под ред. М. Б. Олкот, В. Тишкова, А. Малашенко. М., 1997. С. 35.

- 14 Шнирельман В. А. Пороги толерантности : идеология и практика нового расизма : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2011.
- 15 Hoffman-Novotny H. J. Soziologisches Aspekte der multikulturalitaet // Migration, ethizitaet, konflikt / Hg. K. J. Bade.-Osnabrueck, 1996.
- 16 Kymlicka W. Contemporary political philosophy. An introduction.Oxford : Oxford University Press, 2002.
- 17 Kymlicka W. Multicultural citizenship. Oxford : Oxford University Press. 1995.
- 18 Levy J. T. Classifying cultural rights.. New York : New York University Press, 1997. (Ethnicity and Group Rights / Kymlicka & I. Shapiro (eds.) ; nomos 39).
- 19 One school, many cultures // Educational technology research and development. 1991. Vol. 39. Nr 1.